

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОЭЗИИ К. МИХЕЕВА

Осмысление современного литературного пространства Беларуси – процесс длительный и далекий от завершения. Литературоведы сегодня ищут новые перспективы в изучении национальных литератур, литературных взаимодействий. Изучение роли иной национальной культуры, актуальное для исследований русскоязычной литературы Беларуси, представляется особенно интересным с точки зрения проблемы поисков духовной, национальной идентичности, формирования самосознания. Такой подход является одним из приоритетных направлений в современных гуманитарных науках, что обусловлено значительным усилением межкультурных контактов и необходимостью решения возникающих в связи с этим проблем.

При исследовании проблемы этнокультурной самоидентификации русскоязычных писателей Беларуси и стратегий их творческого поведения правомерными, на наш взгляд, будут два подхода: этнокультурный и тексто-

центристский. Если этнокультурный подход подразумевает самоутверждение на основе базовых ценностей (кто ты и откуда), то текстоцентристский тесно связан с интертекстуальностью. В центре внимания второго подхода – отношение к литературе не как феномену национальной истории, национального духа, а как метатексту, культурному тексту, соотносённость которого с другими культурными текстами представляется более значительной, чем принадлежность к этнокультурному контексту. Тем не менее, этнокультурный проект в его литературоведческой версии сохраняет свою дискурсивную силу, если он разомкнут в «резонантное» (В. Топоров) поле межкультурных воздействий.

Культурно-исторический и компаративистский подходы к анализу произведений исходят из того, что культура – один из ключей интерпретации произведения, поскольку оно возникает на основе определенной культурной традиции и в ее русле осуществляется. Значащая единица художественного текста может быть понята только в культурном контексте. Исходя из этой методологии, художественное произведение необходимо рассматривать на широком культурном фоне. Именно в поле культуры оно выражает, закрепляет и передает другим людям художественные идеи и образы. Культура дает код, позволяющий прочесть, понять произведение. В культурологическом смысле с понятием культурной традиции соотносимо одно из центральных в современном литературоведении понятие «интертекстуальность». Культурный аспект дискурсивного пространства позволяет рассматривать интертекст как способ связи текстов в контексте культуры, что подтверждает уникальную роль человека в мире вообще и в мире культуры в частности: человек – творец текста и в то же время его объект, предмет; человек – автор-адресант и адресат текста одновременно.

«Погруженность» в культуру характерна и для некоторых современных русскоязычных поэтов Беларуси. Причем, здесь мы можем говорить о своеобразии преломления культурных моделей, транслируемых зарубежной, русской и белорусской литературами. Это дает основание для конструктивных поисков своей идентичности личностью, оказавшейся в зоне активного взаимодействия разных культур. Проблема национальной самоидентификации является весьма животрепещущей и для Константина Михеева.

Одной из определяющих черт русскоязычной поэзии Беларуси можно назвать интертекстуальность, которая в той или иной мере присуща творчеству каждого поэта. Особенно ярко данная черта проявляется в философской лирике Константина Михеева, каждое стихотворение которого насыщено культурными реалиями и метафорами и требует от читателя определенной интеллектуальной подготовки.

В поэтическом пространстве К. Михеева основными источниками интертекстуальных связей выступают Библия, произведения Гомера, много-

численные античные мифы, поэтическое наследие А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, И. Бродского, произведения Ш. Бодлера, А. Рембо, С. Малларме, Г. Аполлинера, Ф.Г. Лорки, Г. Тракля и многих других русских и зарубежных поэтов.

Функционирующие у Константина Михеева библейские мотивы, образы и сюжетные аллюзии выступают как условный культурный код, транспонирующий драматические события современности в ракурс вечных коллизий. Библия является универсально-прецедентным текстом, творческая интерпретация которого осуществляется во всем поэтическом наследии поэта. Библизмы присутствуют в циклах «Паралипоменон» и «Solvete scelum», названия которых отсылают нас к Библии. К. Михеев рассматривает цивилизацию как конечный момент в развитии культуры, означающий ее «закат». Мотив неизбежности и обреченности пронизывает множество стихотворений поэта: «Песнь о Ниневию», «Отпадение Авессалама», «Исавель», «Танец Саломеи» и др.

Исследуя античные аллюзии в поэзии Константина Михеева, следует учитывать, что его интерпретация мифов проходит через обращение к культуре древнего мифа как русских поэтов, так и французских, немецких и других западноевропейских модернистов. Именно поэтому стихотворения К. Михеева превращаются в двухмерную конструкцию (античные мифы – поэзия русских и/или зарубежных модернистов – тексты Константина Михеева), что дает основание рассматривать его произведения как «двоичный текст». У Михеева обнаруживается не просто интерпретация древнейших сюжетов, а использование их в сложных диалогических целях, когда античный персонаж выражает разные комплексы чувств и мыслей. Культурный знак не иллюстрируется, а становится компонентом противоречивого, многослойного образа-переживания. Античные герои, античные мифы заполняют многие его стихотворения: «Стихи Мнемозине», «Елена, царица печальная», «Троянские плакальщицы», цикл стихотворений «Ахилл», «Лестригоны», «Итака» и др. Следует отметить в стихах К. Михеева многочисленные обращения к образу Одиссея/Улисса, который привлекал разных писателей своей емкостью, позволяющей видеть в нем как универсальное проявление человеческой судьбы, так и нечто сугубо личное. Несмотря на то, что каждый автор акцентирует внимание на отдельных компонентах античного образа, всегда сохраняется его узнаваемая основа – странничество и мысль о возвращении домой. Эти идеи гомеровского эпоса развернуты в русской литературной традиции до метафоры жизни как удивительного и трудного странствия, до метафоры возвращения домой как обретения своего истинного «я» (например, стихотворения «Одиссей у Калипсо» (1920), «Я», «Одиссей у берега феаков» (1921) В.Я. Брюсова, «Одиссей Телемаку»

(1972), «Итака» (1993) И.А. Бродского и др.). Трансформируясь и постепенно приобретая новое смысловое наполнение, образ Одиссея/Улисса возникает на протяжении всего творчества К. Михеева. Этот образ может быть периферийным в тексте (как, например, в стихотворении «Телемаху – с любовью и сожалением») или становиться центральным (как в стихотворении «Продолжение «Одиссеи»). Но доминирующим он становится в цикле «Троица», который начинается стихотворением «Елена, царица печальная», задающим эмоциональный тон всему циклу, и заканчивается триптихом «Улисс», отсылающим читателю еще и к роману Д. Джойса.

Современный поэт свободно чувствует себя во времени и пространстве, осознавая свою принадлежность человеческой культуре в целом, независимо от времени и места действия, будь то Древняя Греция, Париж, Петербург или современный Минск. Категории «время» и «пространство» обретают универсальный характер. Стихотворения Михеева «Сонеты Ренессансу», «Артуру Рембо, негоцианту», «Памяти Тракля: Гродеки», «Европейские стансы», «Петербургские инвективы», «Millennium», «Последний Рим», «Византия», «Пророчество о Тире» и многие другие превращаются в повествование о связи времен в истории человечества.

Константин Михеев, заглядывая в прошлое и исследуя настоящее, констатирует факт неизменности мира. Люди столетиями совершают одни и те же ошибки и грехи, за которые их настигает кара небесная:

Все повторится опять – от Евы, от Мафусаила:
плод не насытит уста, грудь не извергнет млеко,
лоно женщины снова примет тебя, как могила.
Червь, извиваясь на чреве, влечится тропой человека [1, с. 233].

Но, несмотря на то, что «замирает сумеречный материк, / засыпает Европа – внучка Эреба» [1, с. 226], как всегда у Михеева есть надежда на спасение. На спасение в Слове, «а Слово изначально – это Бог» [1, с. 77]. В Слове воплощен не только духовный опыт автора, в нем воплощена культурная традиция человечества. Только поэт способен сохранить и передать потомкам Слово. И только поэтическое слово, преемственность которого через мучительные сомнения в себе все-таки принимается поэтом, способно прорасти зерном «одной запретной ноты / в забвения безмолвный мерзлый грунт» [1, с. 79].

Петербург является (как и Древняя Греция, Иерусалим, Византия, Рим) важной составляющей культурного пространства в художественной системе К. Михеева, и мы можем говорить о петербургском тексте, анализируя цикл его стихотворений «Петербургские инвективы». Можно отметить множественность референции, то есть множественность объектов, к которым отсылает текст, – одновременно и внутри пространства текстов, и в реальном

мире. Города – Петербург, Петергоф, Павловск, Рим – накладываются дружно на друга, точно так же, как цитаты из текстов предшественников Михеева. У Михеева Петербург предстает, с одной стороны, как «вечный город», подобный Риму и Вавилону, «ибо этот град богоспасаем» [1, с. 92] и как «город-рок, город-книга, могила-город» с другой [1, с. 72].

Михеев не называет прямо многие реалии, а отсылает к ним с помощью перифрастических метафорических описаний, т.е. его произведения рассчитаны на адресата, способного заполнить лакуны текста, восстановить пропущенные звенья, на читателя, знакомого с кодами мировой культуры.

При исследовании поэзии К. Михеева актуализируется назревшая потребность современного литературоведения в такой полноте описания национальной культуры/литературы, когда аспект всеобщности, притяжения-отталкивания инонациональных культурных миров, единства несходного выступает как содержательный, сущностный.

Литература:

1. *Михеев, К.Н.* Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К.Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.